

Из впечатлений

Сокуров вовсе не похож на небожителя. Хотя и поселился на 22-м этаже в домобашне на берегу моря на Васильевском острове. Его квартира похожа на корабль. То ли потому, что за окнами - море, то ли потому, что высокий дом - на сваях, то ли из-за того, что квартира - угловая, странной, неправильной формы, с балконом, как нос корабля.

Квартира напоминает основательный, добротный дом, похожий на деревенский. Все сделано его руками, с помощью друзей, сестры: маленькая кухонька обита ситчиком в цветочек, в стене-перегородке между ней и комнатой - круглое окно. Ненавязчивым «фоном» - музыка. Настоящая. Классическая. В комнате живет птица (хозяин зовет ее именно так - «птица», у нее нет имени, вернее, имя свое знает лишь одна она). Канарейка, щебечущая без умолку. И за окнами - тоже птицы. Синички. Прыгают по веткам. Не удивляйтесь - деревья, разумеется, до 22-го этажа не доросли, но хозяин посадил их на балконе в ящик с землей, березку и елочку (ее можно наряжать на Новый год!). В доме все очень просто, опрятно. Самодельные стеллажи с книгами, в углу - камин с решеткой и кочергой. Вечером камин затопили, потрескивали дрова, а хозяин привычно готовил ужин, тоже простой и вкусный - картошка, овощи, зелень...

- У вас репутация «элитарного» кинорежиссера. Ваше кино, киноязык называют труднопонятным, сложным...

- Что касается «сложности киноязыка», то я думаю, что у кино вообще еще нет собственного языка. Какие-то буквы называли, скажем, Бергман, Виго, Брессон, Флаэрти, Пелешан - наш отечественный гений, но кинематограф остается пока искусством вторичным. В кино главное и самое сложное - научить, заставить чувствовать зренье, глаза. Глаза не чувствуют - чувствуют уши, кожа, но не зрение. Зренье - процесс психологически примитивный. Когда удается заставить ощущать зрением - тогда и начинается кино...

Судьба иронично поступила с кино, зародив его во Франции. Если бы оно зародилось в Японии, Китае - оно было бы более элитарным, менее площадным, менее вульгарным и уж никак не коммерческим, не «массовым».

Мне кажется, надо всегда стремиться к тому, чтобы любое явление становилось на экране еще непонятнее, чем оно есть... Человек сегодня перегружен визуальными впечатлениями, особенно телевизионными, и это приносит в сознание необратимые изменения, в первую очередь у детей, молодежи. Мне кажется, что молодое поколение для серьезного искусства уже потеряно. Бесконечная смена «картинок» на телеэкране, увлечение западными, особенно американскими, картинками - все это отлучает от настоящего в искусстве, от чтения, отучает подключать мысль, сознание, чувство...

- Александр Николаевич, что изменилось для вас за последние десять лет? Фильмы ваши как не видели - так и не видят. Неужели вас не заботит «проблема зрителя»?

- Я хотел бы, чтобы мои работы видели конкретные люди, а не некий среднестатистический абстрактный «зритель», мне неизвестный и непонятный. При поддержке государства (а государство во всех цивилизованных странах поддерживает свое некоммерческое кино) оно и у нас могло бы иметь прокат и своего зрителя. В прошлом году был пробный показ моих картин на Петроградской стороне: они шли 10 дней, в зале собиралось ежедневно в среднем по 400 человек, даже нас этот результат изумил. Понимают ли мое кино, нужно ли оно - конечно, для меня это очень важный вопрос, вопрос всей моей жизни. Кто-то предполагает в искусстве развлечение, отвлечение от жизни - я, к сожалению, наоборот... Но мои фильмы не надо навязывать всем. Пусть их смогут увидеть те, кому они могут быть интересны. Людям нужно дать возможность смотреть любое кино, дальше - их выбор.

Кинорежиссура - это публичность, это гигантское напряжение воли, это ответственность за судьбы тех, кто с тобой работает на площадке, наконец, это необходимая светскость... Вообще, публичность нашей профессии, от процесса создания картины до ее проката - это нарушение чего-то интимного и очень важного в творчестве. Питатель или композитору в этом смысле легче - они всегда наедине с искусством, с самим собой, с чистым листом.

- Вы работаете с редкостной нагрузкой: 1989 г. - 3 работы, 1990 г. - 4 (одна из них - 16-серийный документальный фильм «Ленинградская ретроспектива»), 1993 г. - 2 работы, только что закончены «Духовные голоса» - пять с половиной часов... И это в наше время, в нашей стране, когда снимать кино - это почти равносильно подвигу...

- Я привык много работать, без работы не могу. Хотя в последнее время иногда так хо-

чется все бросить. Кинематограф как таковой становится мне все менее интересен, и ощущение несовпадения с профессией - все острее. Жизнь гораздо шире, сложнее, многообразнее, чем кинематограф. Но ничего другого я не умею. Точно так же, наверное, я не мог бы без труда, если был столяром, плотником. Есть у меня желание - уехать, пожить где-нибудь на берегу моря или речки, и это обязательно сосновый, и в доме деревянные полы, и стеллажи с книгами, и чтобы думать, бродить по лесу. Но я не могу позволить себе работать, только когда есть настроение. Я должен зарабатывать на жизнь. Постоянной зарплаты у меня и моей группы на «Ленфильме» нет. Права на мои фильмы - у тех, на чьи деньги я их снимаю, и это справедливо. У Владимира Фотиева из Сыктывкара. Это вообще уникальный человек, он ничего не требует, не вмешивается в творческий процесс, как это сплошь и рядом сегодня делают «продюсеры». Мне кажется, ему просто важно, чтобы я снимал, работал.

- Вам в России и теперь нелегко, и раньше было несладко. Нет желания уехать из страны?

- Фактически для меня со сменой времен в этой стране ничего не изменилось. А если изменилось, то в худшую сторону. Я живу сегодня в государстве, где вообще нет потребности в искусстве. Демократия и искусство, по моему, несовместимы. А вот тоталитаризм и искусство вполне совместимы! Тоталитарное государство нуждается в искусстве, в людях

тели, или боялись. Вдова Платонова, к которой мы обратились, работая над фильмом, первый раз разговаривала с нами через дверь своей квартиры - боялась: ее тогда подозревали, что она передает рукописи мужа на Запад. Потом нам запретили показы фильма во ВГИКе, выключали проекторы в зале. Ректор ВГИКа в итоге запретил мне защиту диплома этой картиной, а потом отдал распоряжение вообще сменить пленку. Фильм был арестован, ни одного документа по нему не сохранилось. Мы с оператором Сережей Юризициком просто сообразили вовремя - выкрали с вгиковского склада пленку и так спасли фильм. Он пролежал в безвестности 9 лет...

Помочь тогда взялся по нашей просьбе Константин Михайлович Симонов - бесполезно. Стал активно помогать Тарковский, посмотрев картину, так мы и познакомились. Но он и сам был в таком сложном положении тогда, что я не мог его подвести и отказался от его помощи. А в итоге - защищался я двумя телевизионными работами, сделанными еще в Горьком, где я учился в университете и начал работать на телевидении.

Потом из-за знакомства с Тарковским, после его отъезда, я попал «под колпак» КГБ. Прослушивали телефонные разговоры, перехватывали письма, следили, знали каждый мой шаг, ночами возили на допросы на какие-то квартиры, в гостиничные номера... А кто я был тогда? Никто. Прописки в Ленинграде нет, жить нигде, работы нет, никому не известен. А ведь это уже было перед самой пере-

- Россия присутствует даже в названии ваших фильмов. Что вы думаете о ней, сегодняшней, о ее будущем?

- Меня пугает наша чрезмерная открытость Западу, в частности - американской культуре и образу жизни. Посмотрите, сколько на нашем телевидении программ, различных игр и шоу, или «их», или сделанных «под них», с этим натужным, неестественным весельем. Все это отлучает людей от собственной страны, истории, культуры. А по-моему, следует как раз сегодня внедрять в сознание камерность, сосредоточенность на себе, уважение к себе. И, как ни парадоксально, обратная сторона этой открытости и тоже не во благо России - наши вечные имперские замашки.

Зачем, к примеру, России была нужна Азия? Зачем сегодня нужна Чечня? Мало собственных неоглядных пространств? Это же совершенно чуждый менталитет, религия, уклад жизни. И, если вспомнить историю, война с Чечней ни к чему в свое время не привела. Вечное тяготение к Азии, к Кавказу, стремление их подчинить себе - глобальная политическая ошибка России, по-моему...

Вообще, Россия в моем представлении - это запеводник. Страна не индустриальная, не имперская - камерная, аграрная, натуральная, без тяжелой промышленности, но с очень сильной армией и главное - с мощной системой образования, с сетью всемирно известных университетов... Понимаю, что все это - мои фантазии...

- А вы о них Ельцину рассказывали, когда общались с ним?

- Да, и, надо сказать, он умеет слушать, воспринимать, как никто.

- А на выборы пойдете?

- Обязательно! А как же? Надо использовать все цивилизованные формы воздействия, участия. Я против крайностей - крайне правых, крайне левых. Страной должны управлять центристы. Профессионалы - юристы, экономисты. И еще, по-моему, люди старших поколений.

- Вы свое участие в сегодняшней жизни проявили, прожив несколько месяцев на погранзаставе и сделав об этом фильм. А раньше пытались попасть в Афганистан, в Ирак - на войну...

- Хочу подчеркнуть: я делал фильм не о политике, не о войне, не о военных, не о национальных отношениях - о человеке в военных условиях, в чужой, чуждой среде. О бытии на войне. Это даже не документальный фильм и уж тем более не игровой.

Там жара, духота. Малярия. Медпомощи нет. Раненых отправляют на вертолете, первую помощь оказывают друг другу сами. Проблема с пищей, с водой. Постоянное ощущение опасности, и это самое страшное, особенно ночами. Постоянные нападения. Первый бой был через две недели после нашего приезда, шел пять часов. Но при всем том там простые человеческие отношения между командирами и солдатами, нет всего того чудовищного, что мы знаем об армии, о дедовщине... Жизнь там для меня - очень сильное впечатление, очень... Меня и сейчас тянет туда.

- Если бы вам сейчас дали деньги на картину, о чем бы она была?

- Я очень люблю музыку. Музыка и русская классика - это вообще моя защита в жизни и лишь в незначительной степени - кино. И если бы у меня появились деньги, я, может быть, и не стал снимать кино, а переиздал заново все сочинения Чайковского...

- А если бы появилась возможность отдыха, перерыва в работе?

- Съездил бы в Иркутскую область, на то место, где была деревня Подорвиха - в ней я родился. Там, на этом месте, теперь искусственное море...

Из впечатлений

Сокуров совсем не похож на «элитарного» кинорежиссера, желанного гостя престижных международных фестивалей. Его трудно представить, скажем, в смокинге с бабочкой, с важностью вещающим на публике, любезно раздающим автографы... Он похож на русского мастерового. Как и положено мужику, кормит семью. Вкальвает всю свою жизнь (а как же?). Он и кино свое тоже мастерит, бывает, прямо дома. Нежно. Кропотливо. Любовно.

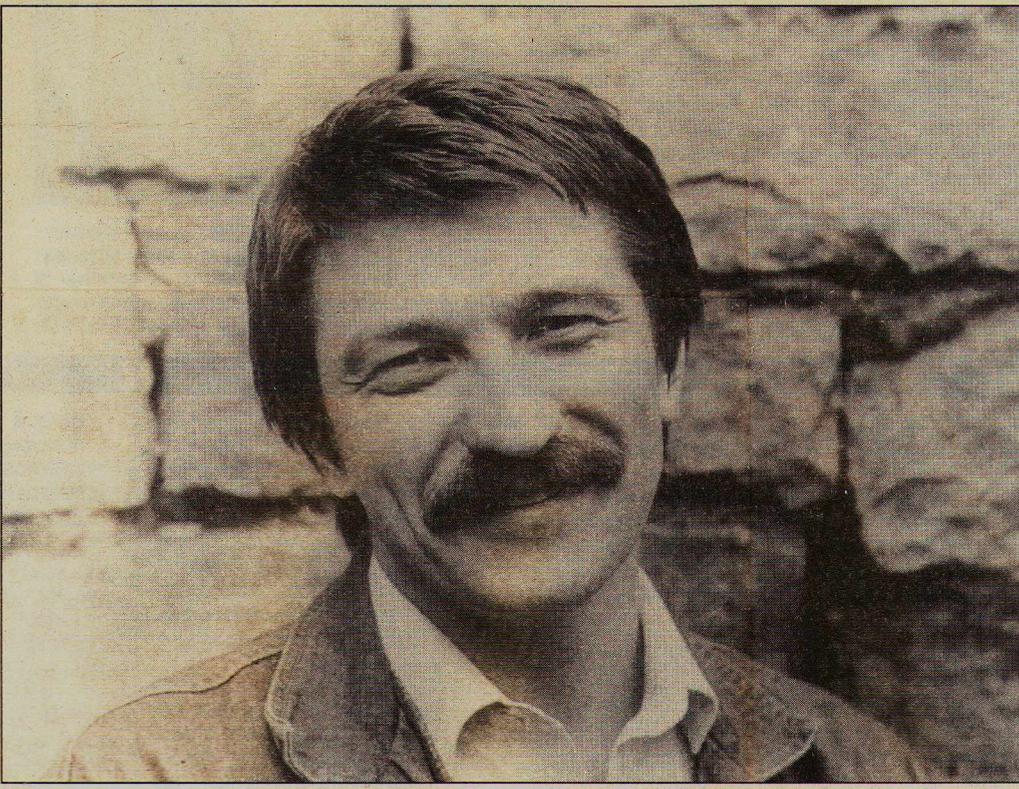
Его речь не цветиста, не гладка, но, сразу чувствуешь, он говорит действительно только то, что думает. Что давно обдумал наедине с собой. И он, в конце концов, очень похож на свои фильмы. И на самого себя. И почему-то ощущаешь неловкость от того, что вот приходится «обнародовать» наш такой домашний, личный, неспешный диалог. Он не дал дежурное интервью столичной корреспондентке. Он просто сделал еще одну работу. С уважением и пониманием отнесся к чужой, к моей. И полетел в Токио. Работать.

Беседовала Марина МУРЗИНА
Москва - Санкт-Петербург

«Элитарный» Сокуров?

Кино режиссера Александра Сокурова массовый зритель вряд ли знает. Он существует вне моды и сенсации. Самый «нетушочный» человек в нашем кино. Не мелькает на телеэкране. Не заедает в президиумах. Не участвует в российских фестивалях. Он очень много работает. Ему чуть больше сорока. Он сделал 16 неигровых и 9 игровых фильмов. До перестройки 11 его картин, почти все, что он снял, были под запретом. Сегодня они демонстрируются на международных кинофестивалях.

Сокуров знаком с Ельциным - дважды снимал фильмы о нем. И при этом он - вне политических игр и «тусовок». Но он едет на афганско-таджикскую границу, живет там три месяца на погранзаставе и снимает пятчасовой фильм «Духовные голоса». Фильм этот, как и несколько других сокуровских картин, прошел недавно на телевидении. В неудобное, ночное время. В итоге по стране их почти никто не видел. Сокуров остается режиссером, широкой аудитории неизвестным.

искусства, хотя бы из соображений чисто спекулятивных. Но, если уж тебе удалось победить, ты выживешь, в тебе будет потребность.

Уехать в прежние времена я не хотел, да и некуда было уезжать. Хотя Тарковский очень хотел «вытащить» меня отсюда... Но ведь сам-то он на Западе больше потерял, чем нашел, он там как раз и лишился свободы, хотя и снимал, но ему же навязывали свои условия, актеров, все! Он очень тяжело переживал отъезд и свое бытие «там», отрывался очень тяжело от России и, уехав, вскоре заболел и умер...

Как это ни парадоксально, но я при том режиме делал то, что хотел, да еще на государственные деньги. Государство, естественно, подавляло, сопротивлялось адекватно собственной мощи. Сопrotивлялся и я. Устоять или сдаться - это уже была моя проблема. И у меня нет никаких претензий к тому времени, никаких счетов к той власти. Хотя и имею, к сожалению, опыт отношений с ней. На всех уровнях - от местного до высшего.

- Говорят, однажды вы даже выкрали собственный фильм, чтобы спасти его...

- Это история с курсовой работой «Одинокий голос человека» по Платонову. Сколько усилий, если вдуматься, было брошено на борьбу с этой студенческой работой, со мной, никому не известным провинциалом! Кого только мы не просили нам помочь! Или не хо-

стройкой, в начале 80-х! Но, повторяю, обид у меня нет - эти люди делали свое дело. Видимо, они просто ждали, что я уеду. Но я уезжать не хотел...

- Сейчас наша интеллигенция, деятели культуры так активно стали приобщаться к политике. У вас соблазнов заняться ею не возникало?

- Мне предлагали некоторые «посты», причем на удивление высокие, и в Петербурге, и за пределами России, об этом даже странно говорить всерьез применительно ко мне, смешно, поэтому не буду называть их. Но для меня и той власти, которую я имею как режиссер на площадке, и той ответственности многовато. К тому же на меня обратили внимание, только когда я чего-то достиг в своей области. Но это не значит, что я так же проявил свои способности в другой сфере жизни. Это иллюзия: если деятель культуры - непременно личность нравственная, на кого можно положиться, «кто знает, как надо». Я-то уверен, ни в коем случае нельзя доверять жизнь художнику, он не может взять на себя миссию указывать перстом, поучать, наставлять...

Если в человеке есть художество как натура, образ жизни, а не просто как профессия, его никогда не потянет ни в политику, вообще ни в какое кресло, потому что искусство занимает уже всего тебя, всю твою жизнь. А если тянет - значит, ничего этого нет, есть видимость.